

УДК 81'23+811.161.1
ББК 81.411.2

В.М. Алпатов

ЧАСТИ РЕЧИ КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ

Частями речи принято называть наиболее существенные классы слов. Это понятие может иметь разную значимость в зависимости от строя языка. По-видимому, за традиционным выделением частей речи стоят некоторые интуитивные представления. В памяти слова, как можно предполагать, хранятся в виде групп, имеющих общие свойства. Хранимые в памяти группы слов могут быть не вполне однородны по свойствам, но для разных языков типично использование некоторых опознавателей, позволяющих их идентифицировать. Такими опознавателями для многих языков выступают морфологические и/или синтаксические свойства классов слов.

Ключевые слова: *слово, части речи, классификация, лингвистические традиции, опознаватели, свойства слов, хранение в памяти.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-2-68-90

Алпатов Владимир Михайлович – докт. филол. наук, профессор, директор Института языкознания РАН, член-корреспондент РАН
Тел.: 499-157-15-18, 495-690-35-85
E-mail: v-alpatov@ivran.ru

© Алпатов В.М., 2016.

Помимо проблемы выделения слов, другой «вечной» проблемой науки о языке является проблема классов слов, т. е. частей речи. Разумеется, не всякие классы слов принято называть частями речи: этот термин всегда было принято относить лишь к наиболее существенным с той или иной точки зрения классам; см. типичное определение: «Части речи... – самые крупные группировки слов, отличающиеся общими семантическими и грамматическими свойствами» [Гак, с. 51]. Понимание такой существенности, естественно, может быть разным. Сам термин *часть речи* представляет собой кальку с латинского термина *pars oratiōnis*, это словосочетание сейчас уже потеряло внутреннюю форму, не соотносимо с термином *речь* во всех его современных смыслах и представляет собой идиому. В современной лингвистике, особенно англоязычной, соответствующий термин часто избегается как слишком традиционный: вместо *parts of speech* предпочитают употреблять *word classes*. Однако дело, разумеется, не в термине, и проблема частей речи при любом их именовании всё равно остается.

Для многих языков существует устойчивая традиция выделения частей речи, однако в отношении сущности этого понятия идут постоянные споры, предлагаются разные точки зрения. Наша цель – рассмотреть и сравнить эти концепции.

Я далее не буду специально рассматривать те различия в понимании частей речи, которые непосредственно вытекают из различий в проведении границ

слов. Многие споры по поводу частей речи сохраняют силу независимо от того, как мы проведем их границы. Разное понимание границ слова более всего может сказываться на выделении классов служебных слов. Например, одна из частей речи японской традиции, так называемые служебные глаголы (*jodooshi*), почти целиком (исключая связки) состоит из единиц, которые европейская японистика обоснованно считает глагольными аффиксами, выводя тем самым за пределы частей речи. С другой стороны, для того же японского языка точка зрения Е.Д. Поливанова на границы слова приводила в принадлежащей ему части книги [Плетнер, Поливанов] к тому, что там вообще не выделялись служебные слова и, следовательно, служебные части речи. Существуют классификации, куда на равных правах включаются морфемы, в том числе аффиксы, и самостоятельные морфемные последовательности [Guiraud, p. 14 – 16]; однако такая точка зрения встречается редко.

В основном концепции частей речи связаны с тем или иным пониманием принципов их классификации. Как и в отношении слова, здесь наблюдаются как подходы, целиком основанные на интуиции, так и подходы, последовательно ориентированные на анализ тех или иных свойств языковых единиц.

Части речи в том или ином виде выделялись во всех лингвистических традициях. В европейской традиции их начали вычленять в античное время (не позднее IV в. до н.э.). Во II в. до н.э. в Александрии была установлена каноническая классификация из восьми частей речи, зафиксированная в дошедшей до нас грамматике Дионисия Фракийца. В нее входили имя, глагол, причастие, член (артикл), местоимение, предлог, наречие, союз [Античные теории..., с. 117 – 123]. Эта система, сначала разработанная для древнегреческого языка, скоро была перенесена на латинский язык лишь с небольшой модификацией: из числа частей речи был исключен отсутствующий в латыни артикл, вместо него добавлено междометие [Античные теории..., с. 118; История..., с. 251 – 254]. При некоторых модификациях вроде разделения имен на существительные и прилагательные система сохранилась до сих пор. По мнению М. Бейкера, большинство современных студентов в понимании частей речи остаются на уровне Дионисия [Baker, с. 1].

При анализе этой системы, элементы которой с античных времен назывались частями речи, обращают на себя внимание три особенности. Во-первых, это классификация всех слов, включая и служебные, хотя их отличия от знаменательных слов осознавались уже в античности. Во-вторых, начиная с александрийцев, наиболее последовательно выдерживался морфологический принцип (речь сейчас идет о реальных свойствах классов, а не об их определениях). Например, класс имен включал в себя и существительные, и прилагательные, поскольку морфологически они сходны в обоих базовых языках традиции: они изменяются по тем же классам склонения (особого адъективного склонения не было), чисто морфологические их различия (степени сравнения у прилагательных) относительно периферийны. Термин *прилагательное*, правда,

восходит к античности, но прилагательные считались лишь семантическим подклассом имен на равных правах с именами собственными, собирательными, племенными и пр. А вот морфологические особенности причастий были более заметны. В класс местоимений были включены единицы, как правило, имевшие не только семантические, но и морфологические особенности: ядро этого класса – аномально склонявшиеся имена; к ним были добавлены и некоторые имена с обычным склонением, имевшие с ними семантическое сходство. Морфологическая отдельность глагола (в том числе от причастия) очевидна. Морфологические критерии, однако, не работали для неизменяемых частей речи, поэтому для них нужны были иные критерии выделения. Служебные слова – предлоги, союзы, артикли – различались по способам сочетаемости со знаменательными словами, т. е. по дистрибуции; наречие выделялось по синтаксическим признакам – связям с глаголом [История..., с. 253].

В-третьих, определения частей речи были неоднородными: наряду с морфологическими и дистрибутивными свойствами в них указывались семантика, часто не совпадавшая с реальностью; см. [Лайонз, с. 338; Anward and others, p. 12]. Редким примером последовательно морфологического их понимания был Марк Теренций Варрон (Рим, I в. до н.э.): он определял имена как слова, которые склоняются и не спрягаются, тогда как глаголы спрягаются и не склоняются, причастия склоняются и спрягаются, а наречия не склоняются и не спрягаются [История..., с. 240]. Но чаще предлагались определения вроде определения имени у автора латинской грамматики Доната (IV в. н.э.): «Имя есть часть речи, наделенная падежом и обозначающая тело или вещь» [Keil, IV, p. 373], хотя не каждое имя обозначает тело или вещь (напомню, что тогда к именам относили и прилагательные). Как справедливо писала Н.Д. Арутюнова, «одной из характерных черт традиционной грамматики является отсутствие соотнесенности между применяемыми принципами классификации и определениями полученных классов или категорий... Традиционная грамматика, верно отражая языковое чутье носителей языка, часто давала ему одностороннее (семантическое) истолкование. Но из этого не вытекает, что сами принципы систематизации материала были также односторонне семантическими» [Арутюнова, с. 270]; см. также [Лайонз, с. 159]. Впрочем, и Донат не прибегал к семантике, определяя наречия или причастия.

В целом античные классификации частей речи отражали существенные свойства древнегреческого и латинского языков и, надо думать, основывались на психолингвистических представлениях носителей этих языков, в которых, как отмечают современные типологи, части речи обладают максимальной выделяемостью одновременно в морфологии, синтаксисе и лексике [Lazard, с. 390]. Вопрос о применении классификаций к другим языкам в античности не ставился: изучение «варварских» языков не считалось научной задачей.

С началом Нового времени, когда объектом изучения стали современные языки Европы и некоторые языки других континентов, начал-

ся перенос традиционных схем частей речи на другие языки. Сначала описательное языкознание исходило из универсальности системы частей речи для всех языков; например, М.В. Ломоносов выделял в русском языке традиционные восемь частей речи [Хрестоматия, с. 25 – 27]. Однако постепенно традиционная система подверглась модификациям, главной из которых было разделение единого класса имен на существительные и прилагательные (иногда также числительные). Выделение в качестве отдельной части речи прилагательных оказалось необходимым в связи с тем, что во многих новых романских, германских и славянских языках они морфологически значительно разошлись с существительными. Реликтами прежних классификаций в русской традиции остались само наименование «*имена прилагательные*», а также трактовка местоимений: принято включать в их состав местоимения – существительные и местоимения – прилагательные, но не местоимения – наречия, которые относят к наречиям. Такую непоследовательность критиковали [Пешковский, с. 158], но она продолжает сохраняться.

Системы частей речи для новых языков Европы, закрепившиеся, в частности, в школьном преподавании, в целом стали более эклектичными сравнительно с античными системами. При сохранении роли морфологических признаков там, где они были применимы, усилилось влияние синтаксических критериев, по-видимому, мало использовавшихся в античный период (прилагательные отличаются от существительных и в классических языках, но это в античный период не учитывалось). Скажем, субстантивированные прилагательные после разграничения имен на два класса стали относить к существительным. При переносе традиционной системы на языки разного строя могли появляться и чисто семантические классы. Так произошло с местоимениями для тех языков, где они не имеют морфологических особенностей, очень часто с числительными.

Семантическая направленность определений частей речи в Новое время стала еще заметнее. Однако тогда, как и раньше, определения частей речи, как и определения слова, не играли существенной роли: лишь в каких-то спорных случаях необходимо было определение класса слова на основе некоторых критериев. Обычно же, как и в случае выделения слова, путь был обратным: «опытный грамматист, не прибегая к таким определениям, всегда знает, чем является данное слово – прилагательным или глаголом» [Есперсен, с. 67], а затем надо было подобрать определения к уже выделенным классам. Почему «всегда знает»? Явно на основе интуиции.

Традиционная («школьная») система частей речи в целом подходила к индоевропейским языкам Европы, в том числе к русскому языку, имея, видимо, психолингвистические основания. Однако при переносе традиционной системы частей речи на языки иного строя явно проявилась ее неадекватность. Д. Гил, перифразируя известные слова И. Ньютона, замечает, что наша наука стоит на плечах гигантов (имеется в виду

европейская традиция), но гиганты стояли на неверном основании, абсолютизируя типологические особенности европейских языков [Gi, p. 173]. При этом первоначальный греко-латинский шаблон сменился среднеевропейским [Croft, p. xiii] (в нашей стране русским), но суть подхода не изменилась. Обычно на основе морфологии (иногда с добавлением синтаксиса) выделялись классы слов изучаемого языка, получавшие названия по типичным переводам на эталонный язык. Как указывает Ю. Брошарт, для большинства лингвистов существительное – то, что переводится существительным на индоевропейские языки [Broschart, p. 160]. В крайних случаях критерий перевода мог оказаться решающим: даже во второй половине XX в. встречались формулировки: «Прилагательные лезгинского языка делятся на качественные и относительные... Относительные прилагательные – это, как правило, имена существительные в форме родительного падежа» [Мейланова, с. 533].

В противовес традиционному универсализму с начала XX в. обозначилась противоположная тенденция: считать, что классы слов (или каких-то сопоставимых с ними единиц) в разных языках разные: «Никакая логическая схема частей речи... не представляет ни малейшего интереса для лингвиста. У каждого языка своя схема» [Сепир, с. 116]. (Э. Сепир, правда, делал исключение для универсального, по его мнению, противопоставления имени и глагола.) Однако наука XX в. редко шла по этому пути, и современные типологи не исходят из бесконечного разнообразия систем частей речи в языках [Anward and others, p. 168].

В целом же в XX в. многие лингвисты были не удовлетворены состоянием дел в области выделения частей речи (как и выделения слов). «Классифицировать части речи настолько трудно, что до сих пор никто удовлетворительной классификации их не создал» [Вандриес, с. 114]. «Эта классификация, основывающаяся на смутном и бесплодном **эмпиризме**, а не на точной и плодотворной теории, не выдерживает никакой критики» [Теньер, с. 62].

Однако такое разочарование не привело к отказу от поисков критериев для выделения существенных классов слов. Видимо, понятие части речи независимо от того, какой системой терминов мы пользуемся, интуитивно ощущается как слишком важное. Это подтверждает и анализ других самостоятельно сложившихся лингвистических традиций, где первичные лексико-грамматические единицы, эквивалентные европейскому слову, так или иначе классифицируются, хотя выделяемые классы могли отличаться друг от друга.

Хотя европейская традиция вплоть до Нового времени не была самой развитой, но античная система частей речи была самой дифференцированной. Следующей по степени дробности классов была японская традиция, отделившаяся от китайской традиции в XVIII – XIX вв. и самостоятельно создавшая принципы морфологического анализа. Все слова здесь делились на знаменательные (*kotoba*) и служебные (*tenioha*), знаменательные делились на *yoogen* и *taigen*, которые различались и семантически (первый класс обозначает действия или признаки, второй –

предметы), и морфологически (первый класс спрягается, второй неизменяем). Класс *yoogen* далее делился по семантике и по морфологии (разные типы спряжения) еще на два класса, соответствовавшие глаголам и предикативным прилагательным (в японском языке наиболее типичные прилагательные не склоняются, а спрягаются аналогично глаголам). Служебные слова также делились на два класса: спрягаемые (*jodooshi*) и неизменяемые (*joshi*). Итого выделялись пять частей речи (иногда добавлялась шестая, включавшая особый класс прилагательных).

В других традициях классов было меньше. В индийской и арабской традициях обычно выделялись три класса: имя, глагол и частица (в индийской традиции иногда еще предлог). Имя и глагол употреблялись самостоятельно, по-разному изменялись и имели различия в значении, частицы несамостоятельны и неизменяемы. А в китайской традиции, основанной на языке изолирующего строя, не разграничивались даже имена и глаголы, зато разделялись «полные» и «пустые» слова, что в основном соответствовало различию знаменательных и служебных слов.

Таким образом, в разных традициях части речи выделялись по морфологическим и семантическим, реже по синтаксическим признакам. Везде проводилась граница между самостоятельными и служебными единицами и везде, кроме Китая, граница между именами и глаголами. Ядро последних двух классов составляли соответственно названия конкретных предметов и активных действий, но, например, слова с качественными значениями могли трактоваться по-разному в зависимости от их формальных свойств: прилагательные сближались с именами в Европе и глаголами в Японии.

В последнее столетие мировая наука о языке уточняла и переосмысляла многие традиционные понятия, в том числе понятие части речи. Здесь происходит моделирование традиционных понятий, приближение к ним на основе некоторых более или менее строгих критериев. При этом нередко указывается, что «части речи образуют «нежесткую» систему нечетко очерченных классов слов» [Гак, с. 51], континуум [Lazard, p. 415]. Такой подход, однако, принимается не всеми. Ряд лингвистов XX в. считали, что «хорошая классификация не должна строиться **одновременно** на нескольких признаках... Главные признаки подчиняют второстепенные» [Теньер, с. 62 – 63]. Такие главные признаки искали и ищут многие. В разных концепциях они могут быть и морфологическими, и дистрибуционными, и синтаксическими, и семантическими; бывают и попытки комплексного подхода.

Одним из наиболее разработанных подходов к моделированию понятия части речи является морфологический, для европейской традиции он долго был основным. Это было естественно, поскольку для языков, на основе которых традиция формировалась, самые явные из признаков – морфологические. Уже определение Варрона эксплицировало такой подход. И современные исследователи, даже отошедшие от первоначального морфологизма, признают, что в любом языке морфологиче-

ские структуры (если они, разумеется, есть) наиболее прозрачны, а морфологическая структура наиболее очевидна [Gil, p. 181].

Русский язык имеет синтетический строй и типологически остался близок к древнегреческому и латинскому. Поэтому не удивительно, что в России раньше всего был выработан именно строго морфологический подход. Основателем его был Ф.Ф. Фортунатов, его активно развивала Московская школа. Например, А.А. Реформатский говорил: «Для меня части речи по преимуществу морфологические категории, т.е. глубоко грамматические. Это не исключает синтаксического критерия как тоже грамматического» [Реформатский]. Семантика не упомянута. Или определение П.С. Кузнецова: «Прежде всего части речи представляют собой классы слов, разграничиваемые по определенным морфологическим признакам, по наличию у них тех или иных форм словоизменения, причем принимаются во внимание и формы словоизменения слов, зависящих от данных. Части речи различаются также по значению» [Кузнецов, с. 63].

При данном подходе основное внимание уделяется словоизменяемым характеристикам, другие признаки: сочетаемость с другими словами, включая служебные, словообразовательные особенности, значение – учитываются лишь как дополнительные.

Для языков с развитой морфологией такой подход имеет явные преимущества, давая возможность получить строгое описание. Недаром, когда встал вопрос о формализации понятия части речи для нужд прикладной лингвистики, для русского языка данный подход оказался самым эффективным [Апресян, с. 17 – 18].

Однако данный критерий применим не ко всем языкам. Последовательно морфологический подход вынужден согласиться с тем, что в изолирующих языках вроде китайского части речи не выделяются совсем [Кузнецов, с. 67; Гао]. И даже для языков, где выделяются некоторые морфологические классы, очевидна недостаточная различительная сила данных классификаций. Скажем, для английского языка О. Есперсен считал абсурдной классификацию, в которой неизменяемый глагол *must* ‘должен’ и предлоги попадают в один класс [Есперсен, с. 65]. Но и в языках с богатой морфологией вроде русского оказывается невозможным на ее основе отделить наречие от междометия или категории состояния; без введения дополнительных критериев приходится объединить в один класс слова, на которых «морфологический анализ прекращается вообще» [Винокур, с. 414]. Последовательно морфологическую классификацию слов для русского языка предложил Г.О. Винокур [Там же, с. 414 – 415], и она разошлась с традицией.

Другая проблема: если в разных языках выделяют разные классы слов, то встает вопрос об их сопоставимости. Он не очень заметен при сходном составе грамматических категорий, например, в разных европейских языках, но существен, если языки типологически существенно различны. Отсутствие универсальных морфологических категорий глагола показал еще И.И. Мещанинов [Мещанинов, 1948, с. 196]. А в ряде

языков одинаковое словоизменение может характеризовать слова разных частей речи, в том числе существительное и глагол [Sasse, p. 172; Ландер, с. 6]. Лингвисты Московской школы, скорее всего, просто не учитывали подобные явления.

Морфологические классы для многих языков – объективная реальность. Но для разных языков они играют разную роль, для некоторых языков, по мнению ряда специалистов, их вообще нет. Иногда даже считают, что применимость морфологических критериев для выделения частей речи в типологии сейчас можно уже не обсуждать [Тестелец, с. 78 – 79]. Устойчиво сохраняются они лишь в некоторых областях частного языкознания, в том числе, конечно, в русистике. Сейчас лингвисты чаще считают, что морфологические критерии лишь служат опознавателями для выделения классов, «глубинно» имеющих более существенные свойства.

Близок к морфологическому дистрибуционный подход, в равной степени учитывающий не только аффиксацию, но весь ближайший грамматический контекст слова. В один класс включаются слова, имеющие тождественное или сходное окружение и способные заменяться друг на друга без нарушения грамматической правильности. Этот подход свойствен лингвистам, ориентирующимся на языки, не обладающие богатой морфологией, и прежде всего, распространен в англоязычных странах [Greenberg, p. 11 – 13; Лайонз, с. 160 – 162]. Подход обусловлен естественным для носителей английского языка представлением о том, что связанные между собой слова должны находиться рядом. При широком понимании окружения он плохо применим к языкам со свободным порядком слов, где в ближайшем окружении данной единицы могут оказаться случайные соседи, а если учитывать только сочетания со служебными словами, то он имеет те же недостатки, что морфологический подход.

Исследователи также указывают, что на основе дистрибуции можно выделить сколь угодно удобные дробные классы. Например, У. Крофт пишет, что в индейском языке нутка, часто приводимом как пример языка без выраженных частей речи, на основе дистрибуции можно найти какие угодно классы, в том числе и все традиционные европейские части речи [Croft, p. 76]. Он же приводит такой пример: в большой грамматике французского языка учтены 12000 лексических единиц, к которым применяется 600 дистрибуционных правил, и оказывается, что ни у одной пары единиц совпадающего набора правил нет [Croft, p. 36]. Очевидно, что на основе только дистрибуции мы не сможем отделить части речи от более дробных классов. Поэтому У. Крофт приходит к тому же выводу, к которому приходят и в отношении чисто морфологического подхода: дистрибуция идентифицирует некоторые классы, но не позволяет их объяснить [Croft, p. 29 – 30].

Не менее обычны, чем вышеуказанные, семантические подходы к частям речи. Издавна считалось, что они должны выделяться по значению: существительные обозначают предметы, животных или людей

(всё это может именоваться предметами в широком смысле); прилагательные обозначают признаки (качества); глаголы обозначают действия или состояния (всё вместе обобщается как процессы), и т.д. Однако, как отмечалось выше, семантический подход исторически больше сказывался в определениях частей речи, чем в реальных основаниях для классификации. Казалось бы, на основе семантики части речи выделялись во многих грамматиках «экзотических» языков, особенно в случае, когда нет возможности выявить морфологические классы. Однако реально в таких случаях чаще исходят не столько из значения, обычно строго не описанного, сколько из перевода на эталонный (скажем, английский или русский) язык.

В последние десятилетия тезис о семантической природе частей речи продолжает высказываться. Например, у А.Е. Кибрика: «Исходная природа классифицирующих категорий всегда семантическая, но в различных языках они могут в разной степени быть оснащены кодирующими средствами и “догружены” вторичными функциями. Поэтому попытки дать общее определение таких категорий в терминах синтаксического или морфологического уровня, более или менее оправданные конкретной языковой спецификой, не отражают их универсальной природы» [Кибрик, с. 127]. Из этого он делал вывод: «Признание приоритета значения над формой позволит также снять бесперспективный спор об *уровневом статусе* ряда классифицирующих категорий: частей речи, именных классов и т.п.» [Там же, с. 126]. Однако признание приоритета значения не означает, что части речи выделяются непосредственно на основе семантики.

Даже если рассмотреть, какие значения традиционно приписываются тем или иным частям речи, то привычные части речи оказываются семантически неоднородными. Особенно это очевидно в отношении существительных. Безусловно, ядро данного класса в любом, очевидно, языке, составляет лексика, обозначающая участников того или иного события, но не сами события (понятие события здесь определяется максимально широко, включая всё, что именуется действиями, состояниями, признаками, качествами). Такую лексику называют непредикатной, или термовой [Ревзин, 1978, с. 147 – 148]. Часто не вполне точно ее называют конкретной лексикой. По-видимому, существуют языки, где весь класс существительных, выделяемый по морфологическим и/или синтаксическим признакам, состоит из них; например, в айнском языке среди отглагольных имен не отмечены имена действия в чистом виде [Kindaichi, Chiri, p. 347 – 352]. Но в очень многих языках существуют так называемые абстрактные имена вроде русских *белизна*, *работа*, *бег*, *прогулка*, *репутация*, в большинстве отглагольные или образованные от прилагательных, что не случайно. Они имеют глагольные значения, хотя их формальные свойства – именные, что отмечал еще К.С. Аксаков. Поскольку участниками события могут быть и другие события (например, во фразе *Шум мотора мне мешает* обозначает событие *мешать*, одним из двух участников которого является другое событие, способное

обозначаться глаголом *шуметь* и существительным *шум*), то эта двоякая роль событий – участников отражается в способе их обозначения. Слова, обозначающие события, относятся к лексике, которая в современной лингвистике именуется предикатной и распределяется по разным частям речи, для многих языков включая и существительные.

Традиционные определения существительных, апеллирующие к семантике, тавтологичны: «Предметность в широком смысле» просто синоним слова «существительное» [Ревзин, 2009, с. 111]. Скорее можно согласиться с Д. Вундерлихом, который считает, что существительные могут обозначать всё [Wunderlich, p. 18] (глаголы этим свойством, повидимому, не обладают).

Другой спорный вопрос, связанный с семантическими свойствами частей речи, относится к семантике прилагательных. Традиционное их отнесение к именам было основано на их морфологических особенностях в классических языках и никогда не имело разумного семантического обоснования. По значению слова этой части речи относятся к предикатной лексике, что теперь уже общепризнано (см., например, книгу [Семантические типы]). Предложения вроде *Мальчик спит* и *Мальчик маленький* в равной степени обозначают события, имеющие того же единственного участника. «Качеств. П. (прилагательные. – В.А.) считаются “классическими” предикатами, т.к. они не включают никаких др. сем, кроме предикативных» [Вольф, с. 397]. Тем самым, кстати, японский язык, где предикативные прилагательные близки к глаголам, более непосредственно отражает свойства этого класса лексики. «Различие между “качеством” и “состоянием” (если оно вообще не иллюзорно) менее разительно, чем различие между “действием” и “состоянием”» [Лайонз, с. 343]. Например, в русском и японском языках круг значений нередко не совпадает: в русском языке *богатый* – прилагательное, *болеть* (*горло болит*) – глагол, а *много* – спорный класс категорий состояния, но в японском языке *tomu* ‘богатый’ – глагол, а *itai* ‘болеть’ и *ooi* ‘много’ – прилагательные. При расширении круга привлекаемых языков несовпадений оказывается еще больше: например, в ирокезском языке мохаук значение *хороший* передается глаголом [Vaker, p. 70].

Вероятно, предикатные значения образуют некоторый континуум, на одном полюсе которого находятся наиболее типичные действия вроде *бить*, *строить*, а на другом полюсе наиболее типичные качества вроде *большой*, *красный* (точнее, *быть большим*, *быть красным*), состояния находятся в промежутке между ними. Граница же между глагольными и адъективными значениями не может быть строго проведена и в разных языках проходит по-разному. Следует также отметить, что во многих языках прилагательное «не выделяется как отд. часть речи, имеющая свои морфологические. и/или синтаксические характеристики» [Вольф, с. 397]. Примерами являются мон-кхмерские языки [Погибенко, с. 285 – 286], айнский язык [Shibatani, p. 19]. Что касается наречия, то оно уже не раз определялось как чисто формальная категория, не обладающая собственным значением [Щерба, с. 72]. Только на основе значений вы-

деляются в ряде описаний языков разве что некоторые периферийные классы вроде числительных.

Конечно, носителям языка свойственно семантизировать любые интуитивно ощущаемые ими языковые различия. Как отмечает Д. Гил, многим кажется, что предметы, обозначаемые в его родном языке словами мужского рода, бывают особо твердыми и тяжелыми; точно так же они могут посчитать, что, например, *destruction* 'разрушение' – предмет [Gil, p. 110]. Можно вспомнить и средневековые драматические представления моралите, где персонажами являлись Милосердие, Правосудие, Воля, Разум и даже Колики и Апоплексия, т. е. всё что угодно с одним существенным ограничением: для соответствующего значения в языке должно было существовать именное выражение; если оно было только глагольным, оно не могло персонифицироваться. И нынешние идеи о «лексико-грамматических значениях» (встречающиеся и у нас, и за рубежом) продолжают ту же традицию.

Таким образом, хотя нельзя отрицать определенную корреляцию традиционных частей речи с семантикой, выделение частей речи как чисто семантических классов вряд ли возможно для какого-нибудь языка; ср. выделение чисто морфологических классов, безусловно, возможное для части языков. Об этом писали уже многие. Например, Я. Анвард указывает, что семантика не может однозначно предсказать частеречную принадлежность слова в том или ином языке [Anward, p. 27]. «Проблема поиска семантических оснований для классификации знаменательных частей речи приобрела, по-видимому, дурную репутацию» [Тестелец, с. 77].

В целом же в последние десятилетия во всей мировой лингвистике заметно преобладание концепций, ориентирующихся на синтаксические свойства классов слов. При данном подходе основанием классификации становится способность слова (или эквивалентной ему единицы) выполнять те или иные функции в предложении. Сочетаемость со служебными словами также может рассматриваться как синтаксический признак, но чаще она либо не учитывается (что не всегда эксплицитно оговаривается), либо выступает как второстепенный критерий.

Крайний случай синтаксического подхода – отождествление частей речи и членов предложения. В европейской науке такая точка зрения, изредка встречаясь в теории, до конца никогда не осуществлялась на практике; идея обойтись одними частями речи, не вводя члены предложения, «не нашла сочувствия» в русистике [Виноградов, с. 336]. Главное препятствие – строгое разграничение в традиции подлежащего как главного члена предложения и дополнения как второстепенного его члена, которое невозможно спроецировать на систему частей речи: это потребовало бы отнесения к разным частям речи форм одного и того же слова. Ближе всего к этой точке зрения подходили авторы ранних европеизированных грамматик в Японии (Танака Ёсикадо – 1874 г.) и Китае (Ма Цзяньчжун – 1898 г.). Фрагменты данного подхода чаще встреча-

ются и в отечественных и западных работах там, где не помогает морфология: нередко отождествляются наречие и обстоятельство.

Чаще при синтаксическом подходе классы выделяются так, чтобы не вступить в противоречие с принципом отнесения к одной части речи всех словоформ одной лексемы («тождеством слова», по А.И. Смирницкому). И с этой точки зрения неизбежно между частями речи и членами предложения не может быть взаимно однозначного соответствия, но среди разных функций той или иной части речи одна признается определяющей. Это функция сказуемого для глагола, функция подлежащего и дополнения (или только подлежащего) – для существительного, функция определения – для прилагательного, функция обстоятельства – для наречия. В России впервые эту точку зрения, несколько затемненную семантической терминологией, по-видимому, высказал А.А. Шахматов [Шахматов, с. 29, 33, 36]. Е. Курилович разграничивал на этой основе первичные и вторичные функции слов [Курилович, с. 59]; такие идеи встречаются и сейчас [Croft]. Особенно распространен синтаксический подход при описании изолирующих языков, для которых нет опоры на морфологию. Для китайского языка его сформулировал Е.Д. Поливанов [Иванов, Поливанов], учитывавший и морфологический критерий там, где его можно было применить; законченный вид он получил в работе [Драгунова, Драгунов] и был развит в более поздних публикациях [Солнцев]. Замечу, что в грамматиках двух языков, изданных с участием Е.Д. Поливанова в 1930 г., главными критериями для выделения частей речи китайского языка были синтаксические, для японского – морфологические.

Синтаксический подход имеет ряд преимуществ. Он более универсален, чем морфологический подход. Основания для выделения синтаксических классов более или менее едины. Эти классы в отличие от морфологических категорий сопоставимы и сравнительно легко исчислимы. Важна и более непосредственная корреляция с семантикой, чем в случае выделения морфологических классов. «Можно полагать, что структура высказывания на семантическом уровне отражает (повторяет до известной степени) структуру той внеязыковой ситуации, информация о которой в данном высказывании содержится... Внеязыковая ситуация состоит из некоторого *события* (процесса, действия, состояния, свойства) и его *партиципантов* (участников). В семантическом представлении такую внеязыковую ситуацию отражает пропозиция, состоящая из *предиката* (\leftrightarrow событие) и его *аргументов* / (\leftrightarrow партиципаны)» [Кибрик, с. 198 – 199]. А на синтаксическом уровне пропозиции соответствует структура предложения.

В то же время синтаксические классификации могут, вероятно, в каких-то случаях расходиться с традицией; прежде всего, это очевидно для служебных слов, не попадающих в данные классификации. Вопрос же о том, какую функцию считать определяющей, не всегда может быть ясен. Особенно это очевидно для русского языка. «Русская традиция определения частей речи, характеризующаяся как лексико-граммати-

ческая, содержит сильную морфологическую доминанту... Эта морфологическая ориентированность препятствует, по существу, до сих пор признанию категории состояния законной частью речи в русском языке и, наоборот, способствуют возникновению споров о том, есть ли части речи в китайском языке» [Кибрик, с. 127].

Существуют и концепции, объединяющие морфологический и синтаксический подходы. Например, И.И. Мещанинов понимал части речи как морфологизованные члены предложения [Мещанинов 1945, с. 210]. Позднее о частях речи как одновременно морфологических и синтаксических единицах писал П.Х. Мэтьюс [Matthews, p. 283].

Поскольку полного совпадения классов слов и синтаксических позиций не бывает, то происходят поиски прототипов. Зачатки такой точки зрения видны уже у И.И. Мещанинова. Затем Я.Г. Тестелец писал: «Почти для каждого синтаксического класса интуитивно выделяемо типичное употребление» [Тестелец, с. 81]. Он выделяет синтаксические классы вершинного предиката, актанта и непосессивного атрибута, которым соответствуют прототипические глагол, существительное и прилагательное. Обращаю внимание на признание здесь интуитивного характера выделения. В последнее время прототипический подход к синтаксическим признакам частей речи получил наиболее развернутое выражение в книге У. Крофта. Он исходит из того, что три главные части речи (глагол, существительное, прилагательное) имеют типологические прототипы [Croft, p. 63]. Поэтому традиционные определения частей речи корректны, так как основаны на прототипах – лучших экземплярах [Croft, p. 73]. Однако критики прототипического подхода отмечают, что он основан на произвольных основаниях. Например, является ли использование прилагательного как определения его главным свойством спорно даже для английского языка: есть прилагательные вроде *asleep* ‘спящий; вялый’, *ready* ‘готовый’, неспособные быть определениями, а статистическое преобладание определительных конструкций, по меньшей мере, не доказано [Baker, p. 211 – 212]. Еще в большей степени сказанное М. Бейкером применимо к японскому языку, где, по-видимому, предикативная функция является главной и для глаголов, и для предикативных прилагательных.

И, как показали исследования по изолирующим языкам (см. особенно [Коротков]), при отсутствии опоры на морфологию само выделение членов предложения может оказаться неоднозначным. Еще один спорный вопрос. Следует ли включать в систему частей речи слова, равно возможные в качестве актантных членов предложения (подлежащих и дополнений) и сказуемых? Такие вопросы обычно не встают для синтетических языков, включая даже японский. Но уже для английского языка в англоязычной науке встречается идея о том, что наряду с существительным и глаголом можно выделить третью часть речи для слов вроде *purpose* ‘намерение; намереваться’. По сути, это переходная трактовка между традиционной европейской системой частей речи и китайской системой, не выделяющей существительные и глаголы.

Основные понятия синтаксиса требуют строгого определения не в меньшей степени, чем понятия морфологии. Современная лингвистика значительно продвинулась в решении этой проблемы. Но связь этих понятий с частями речи остается дискуссионной.

И при любом подходе к выделению части речи встает вопрос о соотношении тех или иных точек зрения с привычным выделением частей речи. Как я уже говорил, так или иначе, лингвисты моделируют традиционные понятия, по сути, исходя из некоторых интуитивных представлений. На это наталкивает и традиционная неоднородность наиболее привычных классификаций; показательно, что строго последовательные классификации слов вроде чисто морфологической классификации для русского языка [Винокур] дают (что осознал и сам Г.О. Винокур) результаты, расходящиеся с традицией.

Об этом шла речь в XX в. в ряде работ, посвященных теории частей речи. Одной из первых стала известная, но не до конца оцененная статья Л.В. Щербы, впервые опубликованная в 1928 г. [Щерба]. Она была полемической против «формального», т.е. строго морфологического подхода школы Ф.Ф. Фортунатова, но важно рассмотреть и ее позитивные положения. Л.В. Щерба писал: «Самое различие “частей речи” едва ли можно считать результатом “научной” классификации слов... В вопросе о “частях речи” исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-нибудь ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой... Едва ли мы потому считаем *стол*, *медведь* за существительные, что они склоняются, скорее мы потому их склоняем, что они существительные» [Щерба, с. 63 – 64]. Последняя формулировка, явно направленная против школы Ф.Ф. Фортунатова, не означает чисто семантическое понимание частей речи: автор статьи указывает, что наречия и прилагательные имеют одинаковое значение, но различаются формально и поэтому относятся к разным классам [Щерба, с 72].

Л.В. Щерба не отрицал ни морфологические, ни синтаксические, ни семантические критерии для выделения частей речи, все они учитывались в его анализе русского материала. Однако они – лишь опознавательные знаки для восприятия частей речи, которые существуют независимо от их семантики и формальных свойств.

Но как понимать формулировку: «навязываются самой языковой системой»? «Ученые и умные» классификации, отвергаемые ученым, тоже, как правило, основаны на каких-то свойствах языковой системы, на каких-то различиях, объективно существующих в ней (примеры приводились выше). Однако Л.В. Щерба подчеркивает, что их может быть много, но «истинная» классификация одна. По-видимому, Л.В. Щерба (начинавший деятельность в 1910-е гг. как сторонник психологического подхода к языку, но с 1920-х гг. пытавшийся от него отойти и всё время к нему в неявном виде возвращавшийся) понимал под «навязыванием» влияние со стороны психолингвистического механизма. Носители язы-

ка ощущают неоднородность слов, хранящихся в их памяти, и опознают их как принадлежащие к тем или иным группам – частям речи. Этот вывод не сформулирован Л.В. Щербой прямо, но вряд ли его идеи можно интерпретировать как-то иначе.

Позже эти идеи некоторыми лингвистами прямо связывались с психолингвистикой: «Слова, являющиеся по соображениям лингвистов, подтверждаемым психологами и психофизиологами, теми языковыми единицами, которые хранятся в памяти, во многих (а может быть, и во всех) современных языках в той или иной мере специализированы в своих грамматических функциях. Естественно поэтому предположить, что одно из членений тотального множества слов языка на подмножества для облегчения и ускорения их поиска в памяти основывается на этой грамматической специализации слов» [Супрун, с. 17]. Сходные идеи см. в том же сборнике в статье [Леонтьев].

Снова обращаюсь к идеям Л.В. Щербы. Действительно, если мы исходим из нашего психолингвистического представления, мы можем выделять классы слов, обладающие разнообразными свойствами, которые, действительно, играют лишь роль опознавателей в сложных случаях. При научной классификации мы либо должны исходить из единого критерия, либо, если мы пользуемся несколькими критериями, установить их иерархию. С психолингвистической точки зрения, возможны случаи, когда одно и то же слово может быть отнесено к нескольким классам, а какие-то слова остаться вне классификации. Это и делал Л.В. Щерба, признавая для частей речи возможность того и другого [Щерба, с. 66]. Но для научной классификации (что отмечал и Л.В. Щерба) пересечение классов и наличие остатка – пороки, которых стараются избежать.

Признание психолингвистической основы традиционных классификаций обозначает и то их свойство, которое Л.В. Щерба как раз и не признавал. Он, как и многие другие языковеды его времени, придерживался идеи о несоотнесимости классификаций знаменательных и служебных слов [Щерба, с. 58 – 59]. Однако такой подход, вполне оправданный с лингвистической точки зрения, вероятно, психологически менее адекватен. Любые слова, какими свойствами бы они ни обладали, – базовые единицы, и интуитивно вполне естественно членить на классы всё множество слов. Недаром именно такая точка зрения распространена с древности во всех традициях.

Отметим и такое высказывание Э. Сепира: «Наша условная классификация по частям речи есть лишь смутное, колеблющееся приближение к последовательно разработанному инвентарю опыта» [Сепир, с. 114]. Иными словами нечто содержится внутри нас, а классификация по частям речи – некоторая модель этого.

В пользу традиционного подхода к частям речи говорит его психологическая адекватность. Подобное понимание частей речи, эксплицированное до некоторой степени Л.В. Щербой и в большей степени А.Е. Супруном и А.А. Леонтьевым, в неявном виде встречалось часто. Только им можно объяснить частые несовпадения между реальными

критериями выделения классов и их определениями. Такое несоответствие может быть объяснено следующим образом. При восприятии слов значимы те или иные их опознаватели, которые для многих языков, включая флективно-синтетические, являются, в первую очередь, морфологическими. Но существующие в человеческой психике классы в связи с главной функцией любых слов воспринимаются как семантические; видимо, решающую роль играет лексическая семантика ядерной части данного класса слов [Ревзин, 1978, с. 139 – 140]. Языковеды, определяющие имена существительные как слова с предметным значением и пр. (а такие определения могут сохраняться и при последовательно морфологическом или дистрибуционном подходе), неявно исходят не из научного анализа, а из своих психологических представлений носителей языка. Можно согласиться с таким утверждением: «Не грамматические категории “сопутствуют” значению части речи, а значение части речи возникает на основе этих категорий и “сопутствует” им. Это происходит, по-видимому, в результате бессознательного семантического обобщения слов, уже отнесенных к определенному классу по грамматическим признакам... Обобщенные семантические представления являются лингвистической фикцией – эквивалентом грамматических классов в языковом сознании носителей языка» [Леонтьев, с. 34]. Вполне согласуются с таким подходом и встречающиеся у разных лингвистов идеи о выделении частей речи по совокупности признаков, о возможности пересечения классов и «выпадения» отдельных слов из классификации.

Исследования афазий и детской речи в целом действительно подтверждают эти предположения, хотя не всё тут ясно. При моторной афазии, в которой нарушаются способы хранения слов, но сохраняется словарный запас, больные, ранее знавшие, что такое части речи, теряли способность к их выделению, но сохраняли при этом способность классифицировать слова по значению (то же отмечается и для маленьких детей [Цейтлин, с. 274]). Больные даже после того как их заново обучали тому, что такое части речи, говорили, что *свобода* – глагол или прилагательное, *бег* – глагол, *спать* – не глагол, затруднялись отнести к какому-либо классу слова *жить*, *умереть*. Но при этом предметные существительные или активные глаголы определялись правильно [Лурия, с. 71 – 74]. Отмечают, что и в обратной ситуации формирования языка у детей поначалу основную роль играет семантика, но в дальнейшем вырабатывается отличная от чисто семантической система частей речи [Baker]. Подобные данные хорошо демонстрируют, что семантические классы слов и части речи – не то же самое, и подтверждают мнение о фиктивности «лексико-грамматических значений». На уровне слов-предложений еще нет частей речи [Цейтлин, с. 274], затем формируется представление о них, причем для русскоязычных детей ключевым процессом является понимание устройства разных парадигм, что также подтверждает значимость морфологической основы для классификации слов в исконной европейской традиции и в ее русском варианте вплоть до современности.

В опытах Д.Л. Спивака обнаруживалось, что при постепенном уменьшении запаса слов появляется заместительная лексика, дублирующая в миниатюре каждую часть речи. На последних стадиях распада лексики все прилагательные заменялись на *этот самый*, глаголы – на *делать*, наречия – на *нормально* [Спивак, с. 146]. Отмечено, кстати, что и выделение самой нетрадиционной в концепции Л.В. Щербы части речи – категории состояния имеет психолингвистические основы и подтверждается данными инсулинотерапии [Спивак, с. 145 – 146]. Можно отметить и различную сохранность тех или иных частей речи при разных типах афазии.

Выше также говорилось и о том, что при разных видах афазий по-разному функционируют знаменательные и служебные слова. Это также подтверждает идею об их разнородности. При этом границы этих классов слов при лингвистическом анализе и на основе изучения афазий могут не совпадать. Например, самостоятельные (так называемые ударные) местоимения лингвисты обычно включают в число знаменательных слов, поскольку они свободно образуют высказывания. Однако при исследованиях афазий они оказываются сходными со служебными словами [Якобсон, с. 141]. Возможно, их роль в психолингвистическом механизме чем-то аналогична роли служебных слов. Не удивительно, что и в традиционной лингвистике местоимения иногда исключают из числа знаменательных слов [Шахматов, с. 30], а китайская традиция относилась их к «пустым словам».

В последние годы всё большее развитие получает нейролингвистика, способная изучать не только частично действующий речевой механизм у афатиков и маленьких детей, но и нормальное функционирование этого механизма. Одной из первых публикаций такого рода является статья [Kemmerer, Eggleston], посвященная психолингвистическим коррелятам имени и глагола. В ней указывается на существование особых долей мозга, ответственных за представления размера, цвета, структурных черт воспринимаемого; они действуют и при произнесении, и при восприятии их. В ответ на слово, обозначающее лошадь на том или ином языке, происходит репрезентация лошадиной формы. Другие доли мозга ответственны за планирование, выполнение и перцептивное понимание действий; они, вероятно, включаются и при обработке глаголов действия. Всё это не зависит от конкретного языка [Kemmerer, Eggleston, p. 2688]. Тем самым противопоставление прототипических (в смысле У. Крофта) существительных и глаголов универсально, но между этим уровнем и уровнем конкретных слов имеется промежуточный уровень подклассов слов, здесь разные языки различаются [Там же]. В статье ставится задача связать пока что развивающиеся отдельно друг от друга нейролингвистику и типологию. Безусловно, такого рода исследования только начинаются, многое остается пока неясным, но они подтверждают гипотезу о том, что среди многих возможных классификаций слов существует лишь одна «навязываемая» носителям языка.

Итак, традиционные понятия частей речи, как и понятие слова, имеют психолингвистическую значимость. В памяти человека слова, как можно предполагать, хранятся в виде некоторых групп, имеющих общие свойства. Особенно важны такие словесные группировки для восприятия речи, когда полученные сигналы сопоставляются с их аналогами в памяти. Хранимые в памяти группы слов могут быть не вполне однородны по своим свойствам, но для разных языков типично использование некоторых наиболее очевидных опознавателей, позволяющих легко их идентифицировать. Такими опознавателями для многих языков выступают морфологические признаки (склонение, спряжение и пр.), могут быть значимы и синтаксические свойства групп слов. Все эти признаки могут по-разному выступать в зависимости от строя языка. Существенно и противопоставление самостоятельных (знаменательных) и несамостоятельных (служебных) слов (недаром оно присутствует во всех лингвистических традициях), среди самостоятельных единиц наиболее значимо различие имени и глагола, хотя в изолирующих языках оно сглажено. Менее значимы такие классы, как прилагательные и наречия; прилагательное в одних языках – разновидность имени, в других языках – разновидность глагола. Противопоставление классов, обычно четкое в наиболее типичных случаях, на периферии оказывается размытым.

Литература

- Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936.
- Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
- Арутюнова Н.Д. Американский структурализм. Грамматика // Основные направления структурализма. М., 1964.
- Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
- Виноградов В.В. Синтаксические взгляды проф. А.В. Добиаша // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Вольф Е.М. Прилагательное // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1986.
- Гао Минкай. Проблема частей речи в китайском языке // Вопросы языкознания, 1955, № 3.
- Драгуновы Е. и А. Части речи в китайском языке // Советское востоковедение. Т. 3. Л., 1937.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
- Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. М., 1930.
- История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
- Кибрик А.Е. Соотношение формы и значения в грамматическом описании // Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

- Коротков Н.Н.* Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968.
- Кузнецов П.С.* О принципах изучения грамматики. М., 1961.
- Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Ландер Ю.А.* Релятивизация в полисинтетическом языке: адигейские носительные конструкции в типологической перспективе. АКД. М., РГГУ, 2012.
- Леонтьев А.А.* Фиктивность «семантического критерия» при определении частей речи // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1965.
- Лурия А.Р.* Травматическая афазия. М., 1947.
- Мейланова У.А.* Лезгинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. М., 1966.
- Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945.
- Мещанинов И.И.* Глагол. М.-Л., 1948.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Плетнер О.В., Поливанов Е.Д.* Грамматика японского разговорного языка. М., 1930.
- Погибенко Т.Г.* Австроазиатские языки: проблемы грамматической реконструкции. М., 2013.
- Ревзин И.И.* Структура языка как моделирующей системы. М., 1978.
- Ревзин И.И.* Структура немецкого языка. М., 2009.
- Реформатский А.А.* Обсуждение 2-го издания учебника А.А. Реформатского «Введение в языкознание» 22 июня 1956 г. // Семиотика. Лингвистика. Поэтика. К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. М., 2004.
- Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Сепир Э.* Язык. // *Сепир Э.* Избранные работы по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Солнцев В.М.* Теория частей речи и проблема частей речи в языках Восточной и Юго-Восточной Азии // К III Международному симпозиуму по теоретическим проблемам языков Азии и Африки. М., 1983.
- Спивак Д.Л.* Искусственно вызываемые состояния измененного сознания (на материале инсулинотерапии) и их лингвистические корреляции // Физиология человека. 1980. № 1.
- Супрун А.Е.* Грамматические свойства слов и части речи // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1968.
- Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- Тестелец Я.Г.* Наблюдения над семантической оппозицией «имя/глагол» и «существительное/прилагательное» (к постановке проблемы) // Части речи: теория и типология. М., 1990.
- Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973.
- Цейтлин С.Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.
- Шахматов А.А.* Из трудов по современному русскому языку (части речи) М., 1952.
- Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Якобсон Р.* Афазия как морфологическая проблема // Афазия и восстановительное обучение. Тексты. М., 1983.

Anward J. A Dynamic Model of Part-of-speech Differentiation // Approaches to the Typology of Word Classes (Empirical Approaches to Language Typology. 23). Ed. by P.M. Vogel, B. Comrie. Berlin; New York, 2000.

Anward J., Moravcsik E., Stassen L. Parts of Speech: A Challenge for Typology // Linguistic Typology, 1997, 1.

Baker M.C. Lexical Categories. Verbs, Nouns, Adjectives (Cambridge Studies of Linguistics. 102). Rutgers University, 2004.

Brochart J. Why Tonga Does it Differently: Categorical Distinctions in a Language without Nouns and Words // Linguistic Typology. 1997, 1.

Croft W. Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford, 2001.

Gil D. Syntactic Categories, Cross-Linguistic Variations and Universal Grammar // Approaches to the Typology of Word Classes (Empirical Approaches to Language Typology. 23). Ed. by P.M. Vogel, B. Comrie. Berlin; New York, 2000.

Greenberg J.H. Essays in Linguistics. Chicago, 1957.

Guiraud P. La syntaxe du fran ais. Paris, 1963.

Keil H. Grammatici Latini. Vol. I – VII. Lipsiae, 1855 – 1880.

Kemmerer D., Eggleston A. Nouns and Verbs in the Brain; Implications on Linguistic Typology for Cognitive Neurosciences // Lingua. 2010. 120

Kindaichi Kyoosuke, Chiri Mashiho. Ainugohoo-gaisetsu. Tokyo, 1936.

Lazard J. La question de la distinction entre nom et verbe en perspective typologique // Folia Linguistica (Berlin), XXXIII.

Matthews P.H. What Can We Conclude? // Word. A Cross-Linguistic Typology. Ed. by R.M.W. Dixon, Alexandra Y. Aikhenvald. Cambridge, 2003.

Sasse H.-J. Nominalism in Austronesian: A Historical Typological Perspective // Theoretical Linguistics. 2009. Vol. 35, 1.

Shibatani M. The Languages of Japan. Cambridge, 1990.

Wunderlich D. Lexical Categories. 1996. Vol. 22, 1/2.

References

Antichnye teorii yazyka i stilya. M.L., 1936.

Apresyan Yu.D. Idei i metody sovremennoi strukturnoi lingvistiki. M., 1966.

Arutyunova N.D. Amerikanskii strukturalizm. Grammatika // Osnovnye napravleniya strukturalizma. M., 1964.

Vandries Zh. Yazyk. M., 1937.

Vinogradov V.V. Sintaksicheskie vzglyady prof. A.V. Dobiasha // Vinogradov V.V. Issledovaniya po russkoi grammatike. M., 1975.

Vinokur G.O. Izbrannye raboty po russkomu yazyku. M., 1959.

Vol'f E.M. Prilagatel'noe // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. M., 1990.

Gak V.G. Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka. Morfologiya. M., 1986.

Gao Minkai. Problema chastei rechi v kitaiskom yazyke // Voprosy yazykoznaniiya, 1955, № 3.

Dragunovy E. i A. Chasti rechi v kitaiskom yazyke // Sovetskoe vostokovedenie. T. 3. L., 1937.

Espersen O. Filosofiya grammatiki. M., 1958.

Ivanov A.I., Polivanov E.D. Grammatika sovremennogo kitaiskogo yazyka. M., 1930.

- Istoriya lingvisticheskikh uchenii. Drevnii mir. L., 1980.
- Kibrik A.E. Sootnoshenie formy i znacheniya v grammaticheskom opisani *//* Kibrik A.E. Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya. M., 1992.
- Korotkov N.N. Osnovnye osobennosti morfologicheskogo stroya kitaiskogo yazyka. M., 1968.
- Kuznetsov P.S. O printsipakh izucheniya grammatiki. M., 1961.
- Kurilovich E. Ocherki po lingvistike. M., 1962.
- Laionz Dzh. Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku. M., 1978.
- Lander Yu.A. Relyativizatsiya v polisinteticheskom yazyke: adygeiskie otnositel'nye konstruksii v tipologicheskoi perspektive. AKD. M., RGGU, 2012.
- Leont'ev A.A. Fiktivnost' «semanticheskogo kriteriya» pri opredelenii chastei rechi *//* Voprosy teorii chastei rechi na materiale yazykov razlichnykh tipov. L., 1965.
- Luriya A.R. Travmaticheskaya afaziya. M., 1947.
- Meilanova U.A. Lezgingskii yazyk *//* Yazyki narodov SSSR. T. IV. M., 1966.
- Meshchaninov I.I. Chleny predlozheniya i chasti rechi. M.; L., 1945.
- Meshchaninov I.I. Glagol. M.; L., 1948.
- Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. M., 1956.
- Pletner O.V., Polivanov E.D. Grammatika yaponskogo razgovornogo yazyka. M., 1930.
- Pogibenko T.G. Avstroaziatskie yazyki: problemy grammaticheskoi rekonstruksii. M., 2013.
- Revzin I.I. Struktura yazyka kak modeliruyushchei sistemy. M., 1978.
- Revzin I.I. Struktura nemetskogo yazyka. M., 2009.
- Reformatskii A.A. Obsuzhdenie 2-go izdaniya uchebnika A.A. Reformatskogo «Vvedenie v yazykoznanie» 22 iyunya 1956 g. *//* Semiotika. Lingvistika. Poetika. K stoletiyu so dnya rozhdeniya A.A. Reformatskogo. M., 2004.
- Semanticheskie tipy predikatov. M., 1982.
- Sepir E. Yazyk. *//* Sepir E. Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i kul'turologii. M., 1993.
- Solntsev V.M. Teoriya chastei rechi i problema chastei rechi v yazykakh Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Azii *//* K III Mezhdunarodnomu simpoziumu po teoreticheskim problemam yazykov Azii i Afriki. M., 1983.
- Spivak D.L. Iskusstvenno vyzyvaemye sostoyaniya izmenennogo soznaniya (na materiale insulinoterapii) i ikh lingvisticheskie korrelyatsii *//* Fiziologiya cheloveka, 1980, №1.
- Suprun A.E. Grammaticheskie svoistva slov i chasti rechi *//* Voprosy teorii chastei rechi na materiale yazykov razlichnykh tipov. L., 1968.
- Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa. M., 1988.
- Testelet's Ya.G. Nablyudeniya nad semanticheskoi oppozitsiei «imya/glagol» i «sushchestvitel'noe/prilagatel'noe» (k postanovke problemy) *//* Chasti rechi: teoriya i tipologiya. M., 1990.
- Khrestomatiya po istorii russkogo yazykoznaniya. M., 1973.
- Tseitlin S.N. Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi. M., 2009.
- Shakhmatov A.A. Iz trudov po sovremennomu russkomu yazyku (chasti rechi) M., 1952.
- Shcherba L.V. O chastyakh rechi v russkom yazyke *//* Shcherba L.V. Izbrannye raboty po russkomu yazyku. M., 1957.
- Yakobson R. Afaziya kak morfologicheskaya problema *//* Afaziya i vosstanovitel'noe obuchenie. Teksty. M., 1983.

Anward J. A Dynamic Model of Part-of-speech Differentiation // Approaches to the Typology of Word Classes (Empirical Approaches to Language Typology. 23). Ed. by P.M. Vogel, B. Comrie. Berlin – New York, 2000.

Anward J., Moravcsik E., Stassen L. Parts of Speech: A Challenge for Typology // Linguistic Typology, 1997, 1.

Baker M.C. Lexical Categories. Verbs, Nouns, Adjectives (Cambridge Studies of Linguistics. 102). Rutgers University, 2004.

Brochart J. Why Tonga Does it Differently: Categorical Distinctions in a Language without Nouns and Words // Linguistic Typology. 1997, 1.

Croft W. Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford, 2001.

Gil D. Syntactic Categories, Cross-Linguistic Variations and Universal Grammar // Approaches to the Typology of Word Classes (Empirical Approaches to Language Typology. 23). Ed. by P.M. Vogel, B. Comrie. Berlin – New York, 2000.

Greenberg J.H. Essays in Linguistics. Chicago, 1957. Guiraud P. La syntaxe du fran ais. Paris, 1963.

Guiraud 1963 - Guiraud P. La syntaxe du fran ais. Paris, 1963.

Keil H. Grammatici Latini. VI-VII. Lipsiae, 1855-1880.

Kemmerer D., Eggleston A. Nouns and Verbs in the Brain; Implications on Linguistic Typology for Cognitive Neurosciences // Lingua, 120, 2010.

Kindaichi Kyoosuke, Chiri Mashiho. Ainugohoo-gaisetsu. Tokyo, 1936.

Lazard J. La question de la distinction entre nom et verbe en perspective typologique // Folia Linguistica (Berlin), XXXIII.

Matthews P.H. What Can We Conclude? // Word. A Cross-Linguistic Typology. Ed. by R.M.W. Dixon, Alexandra Y. Aikhenvald. Cambridge, 2003.

Sasse H.-J. Nominalism in Austronesian: A Historical Typological Perspective // Theoretical Linguistics. V.35, 2009, 1.

Shibatani M. The Languages of Japan. Cambridge, 1990.

Wunderlich D. Lexical Categories. V.22, 1996, 1/2.

Alpatov V.M. (Moscow, Russian Federation)

Parts of speech as psycholinguistic classes

Parts of speech are called the most important, from a particular point of view, word classes. In the European tradition parts of speech have been recovered by ancient grammarians, their classification reflect the essential properties of the Greek and Latin languages and, presumably, were based on psycholinguistic representations of the speakers of these languages, in which the parts of speech have maximum expressiveness in morphology, syntax and lexis. Parts of speech were distinguished primarily on morphological characteristics, sometimes based on syntactic and semantic features. This classification has been preserved with some modifications to the present day, but since the beginning of the XX century there has been attempts to clarify the conventional approach, which could also be different. In other traditions, as well, there were comparable with European basic parts of speech units of classes, but there could be certain differences. The traditional notion of parts of speech may have a different value depending on the structure of the language. Modern typology explores the boundaries of this importance.

Apparently, the traditional division of parts of speech hide some intuitive ideas. The human memory words as you can assume, are stored in the form of some groups that have common properties. Stored in the memory word groups can not be completely common in their properties, but for various languages typical is the use of some obvious properties, allowing them to be identified. These identities for many languages are the morphological and/or syntactic properties of groups of words. All these features may act in different ways depending on the structure of the language.

Key words: *word, part of speech, classification, linguistic traditions, identifiers, word properties, storing in memory.*

Alpatov Vladimir Mikhailovich – Ph. D. of philology, professor, member-correspondent of RAS. Institute of linguistics RAS.

Phone: 499-157-15-18, 495-690-35-85; e-mail: v-alpatov@ivran.ru